

Материалы к биографиям ученых и инженеров

А. В. САМОКИШ

ВОСПОМИНАНИЯ Б. Е. РАЙКОВА КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ – СССР В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

Б. Е. Райков – известный педагог, методист, историк естествознания. На страницах своих воспоминаний «На жизненном пути. Автобиографические очерки» он осветил события своей долгой жизни, в том числе и связанные с историей науки и образования. Данные воспоминания представляют собой уникальный исторический источник, практически не использованный исследователями. В настоящей статье дана характеристика источника и обзор сюжетов, которые могут заинтересовать историка науки.

Ключевые слова: Б. Е. Райков, история методики преподавания естествознания, история школьного естествознания в России и СССР, воспоминания ученого как исторический источник.

Борис Евгеньевич Райков – одна из важных фигур в научном сообществе Петербурга–Петрограда–Ленинграда – был представителем того редкого в настоящее время типа ученых, которых принято называть энциклопедистами. Он внес огромный вклад в развитие методики преподавания естествознания в школе – многие введенные им приемы используются до сих пор. В истории естествознания он одним из первых в СССР заинтересовался творчеством К. Бэра. Даже в области, далекие на первый взгляд от естествознания, он внес свой вклад. Так, например, Райков стал одним из основателей экскурсионного дела в России, и до настоящего времени его работы в этой области не теряют своей актуальности.

Вероятнее всего, Райков начал писать воспоминания в конце 1930-х гг. (первый том датирован 1939 г., но в тексте есть указания на то, что начата работа была в 1937 г.), в ссылке в Медвежьегорске, не имея под рукой практически никаких источников, по памяти. В дальнейшем при создании этих мемуаров он активно пользовался материалами периодической печати (в том числе и собственными опубликованными статьями), книгами, архивными документами. Первые тома воспоминаний были дополнены и переработаны в 1950-е гг. (об этом говорит обилие сносок и ссылок, указывающих, например, даты смерти упоминаемых лиц – 1940–1950-е гг.). Последний (десятый) том датирован 1965 г., в нем описываются события конца 1940-х гг. Планировался и еще один том, о следующем десятилетии, но работу над ним ученый завершить не успел.

Сам процесс написания мемуаров не был для Райкова простым, у него не раз возникали сомнения в целесообразности этой работы. Еще в конце 1930-х гг., только начиная свои биографические очерки, он писал:

В писании моих воспоминаний произошел довольно длинный перерыв. Предыдущие строки написаны несколько недель тому назад. Я не брался за перо, потому что меня взяло раздумье: стоит ли вообще продолжать эту работу и не уничтожить ли сделанное [...] Но потом я все же превозмог это чувство, разбуженное случайными обстоятельствами, и решил продолжать мою правдивую повесть ¹.

Работу над очерками Райков, хотя и с перерывами, продолжал до конца своей жизни. Он также включил в них воспоминания своего коллеги Н. С. Берсенева, работавшего с ним в Ленинградском педагогическом институте им. А. И. Герцена, журналах «Живая природа» и «Естествознание в школе», на биостанции, также осужденного в начале 1930-х гг. и побывшего в ссылке, и воспоминания об отце своей ученицы в Ленинградском филиале ИИЕТ Т. А. Лукиной.

Известны два машинописных экземпляра мемуаров: один находится в личном собрании семьи Райковых, другой – в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (СПбФ АРАН). Они представляют собой комплекты из единообразно оформленных 9 и 10 переплетенных томов (разница в количестве объясняется разбиением одного тома на два в комплекте семьи Райковых). Стоит отметить, что документы передавались в архив еще при жизни Райкова (первое поступление было в 1960 г., и среди переданных документов уже значились 5 томов воспоминаний). Однако, доступ к фонду был закрыт на 20 лет для всех читателей, кроме родственников (жена – А. Н. Райкова, дети – И. Б. Райков, Н. Б. Ломакина) и членов Комиссии по сохранению и разработке научного и литературного наследия профессора Б. Е. Райкова (И. И. Канаев, Ю. И. Полянский, О. В. Казакова, К. В. Манойленко, Т. А. Лукина). Тем не менее сам факт подобной заботы о фонде говорит о том, что ученый писал для того, чтобы рано или поздно быть прочитанным.

Мемуары в настоящее время не опубликованы, хотя работы по их подготовке к печати ведутся в СПбФ АРАН. Несмотря на свой огромный потенциал, данный источник мало использовался историками: к нему обращались лишь биографы Райкова Т. А. Лукина и В. Б. Борейко ², ознакомился с ними при написании своей книги Д. Вайнер ³.

При анализе содержания мемуаров стоит отметить одну их особенность: в переплетенных томах немало фотографий, фотокопий документов (в том числе и архивных), объемных выдержек из статей и книг, которыми автор пользовался при работе. Таким образом, это не просто воспоминания, но вдумчивый и аргументированный анализ прошедшего, основанный не только на личном

¹ Райков Б. Е. На жизненном пути. Т. 1. С. 66 (из личного собрания семьи Райковых).

² Лукина Т. А. Борис Евгеньевич Райков. Л., 1970; Борейко В. Б. Дон-Кихоты. История. Люди. Заповедники. М., 1998.

³ Weiner, D. R. Models of Nature. Ecology, Conservation and Cultural Revolution in Soviet Russia. Pittsburgh, 2000.

опыте (что является основным признаком мемуарного источника), но и на документальных материалах. Возможно, из-за этой «документальности» воспоминания теряют остроту субъективности, становясь в некотором смысле «синтетическим» источником. Тем не менее, достоверность источника становится выше. Но и специфика мемуаров не пропадает, так как постоянный оценочный компонент восполняет кажущийся недостаток личного присутствия автора. Он постоянно присутствует на страницах, не прячась за точными данными. Кроме того, часто в рассказах о событиях прошлого Райков сравнивает их с современными ему событиями, создавая, таким образом, два временных пласта внутри одного раздела.

Борис Евгеньевич был не чужд литературного творчества, он писал стихи, многие из которых даже включил в мемуары, некоторые из них были опубликованы. Сам язык воспоминаний очень живой, далекий от скупой фиксации событий, делающий воспоминания не просто важным историческим источником, но и увлекательным чтением, которое, тем не менее, заставляет читателя задумываться и анализировать прочитанное.

* * *

Борис Евгеньевич Райков родился 8 (20) сентября 1880 г., а умер 1 августа 1966 г., он был свидетелем и двух русских революций, и Великой Отечественной войны, и многих других великих и трагических событий. Но в данной статье в первую очередь хотелось бы сфокусировать внимание на отражении в его мемуарах истории науки, научного сообщества и истории образования. Первая половина жизни Бориса Евгеньевича была в основном посвящена педагогике и методике естествознания, он вел очень активную организационную деятельность, и эта сторона его жизни очень подробно отражена в воспоминаниях. Второй огромный пласт его деятельности – это история науки, и, осознавая важность происходившего вокруг него в непростые годы первой половины XX в., Райков стремился не только своими статьями, но и в воспоминаниях отразить путь науки, просвещения, образования.

Как историк Райков уделял огромное внимание роли личности в истории науки и истории вообще. Таков же его подход и в воспоминаниях. Рассказывая о том или ином периоде своей жизни, об учреждениях, где ему приходилось работать, он дает отдельные биографические очерки, посвященные коллегам, сотрудникам, другим действующим лицам. Так, в воспоминаниях можно найти своеобразные портретно-биографические зарисовки почти всех известных педагогов-естественников Петербурга – Петрограда первых послереволюционных лет, многих ученых биологов, с которыми Райков сталкивался в Обществе распространения естественно-научного образования, некоторых лиц из Наркомата народного просвещения, а затем Министерства образования. Характеристики, даваемые Райковым, порой резкие, иногда на грани карикатурности, если он пишет о своих оппонентах (Б. В. Всесвятский), и очень тонкие, почти лирические, когда рассказывает о близких и друзьях (Г. Н. Боч, Л. Н. Никонов и др.).

Во многом сам выбор сюжетов для воспоминаний определяется педагогической и научной деятельностью ученого, его характером и жизненными

обстоятельствами. Подчас он обходит стороной серьезные политические события (хотя уделяет им внимание в рассказах о своей студенческой жизни), но все, что связано с его специальностью, обязательно находит отражение на страницах его труда. Не случайно свои воспоминания он назвал «Автобиографическими очерками», они действительно в чем-то напоминают мозаику зарисовок, рассказов, законченных и самодостаточных уже по отдельности. Кроме того, определяя свой труд как «очерки», Райков заранее оправдывает возможную их неполноту, охват только наиболее ярких и значимых для автора событий.

На некоторых сюжетах, нашедших отражение в его воспоминаниях, хотелось бы остановиться подробнее.

Райков учился на естественном отделении физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета, где слушал лекции известнейших ученых того времени, в том числе А. А. Иностранцева по геологии, А. С. Догеля по гистологии и др. Каждому из своих учителей он посвятил небольшой портретно-биографический очерк. Более всего его увлекала зоология, и он уделял немало времени самостоятельной работе. Однако «поток политических событий подхватил его и унес далеко от мирного зоологического кабинета»⁴. Внимательный и вдумчивый Райков, еще в детстве с увлечением читавший труды А. И. Герцена и Д. И. Писарева, не мог остаться в стороне от студенческих волнений. Он стал активным членом нелегальных организаций («Касса радикалов» и «Социал-демократическая группа студентов Санкт-Петербургского университета»). Несмотря на обилие литературы по студенческому движению, и в этом аспекте мемуары Райкова оказываются новым и важным источником, порой дающим отличные от принятых трактовки событий. Он был дважды арестован и исключен из университета, из шести лет студенчества два года провел в тюрьме и ссылке. В 1905 г. Райков, сдав экзамены экстерном (так как ему отказали в восстановлении), окончил университет с дипломом первой степени. Студенческие воспоминания в несколько иной редакции составляют отдельный от автобиографических очерков том – «Из студенческих воспоминаний (1899–1905)»⁵.

Одна из центральных тем мемуаров – преподавание естественных наук в средней школе, и Райков дает настоящую панораму развития школьного естествознания первой половины XX в. и даже несколько более раннего периода. Еще описывая детство, Райков уже акцентировал внимание на школах, в которых учился, на том, как преподавали различные предметы, каковы были порядки. Так, он подробно описывает Александровскую гимназию в Гельсингфорсе, где начинал свое образование, единственное русское среднее учебное заведение в Финляндии, отличавшееся в то же время от русских казенных гимназий. В 1895 г. семья Райковых переехала в Петербург и в 1899 г. Райков окончил с серебряной медалью 8-ю классическую гимназию, которой руководил в то время известный поэт И. Ф. Анненский. Стоит отметить, что к теме классического дореволюционного образования Райков еще будет возвращаться в последующих томах, и вопреки принятому в советское время мне-

⁴ Райков Б. Е. На жизненном пути. Т. 2. С. 25 (из личного собрания семьи Райковых).

⁵ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 893. Оп. 2. Д. 29.

нию, оценивать его скорее положительно. Хотя преподавание естествознания было, несомненно, слабым, однако на формирование мышления принцип жесткого отбора тех, кто продолжит образование, оказал по признанию Райкова серьезное влияние (и в этом он не одинок, о том же рассказывал, например, и Н. В. Тимофеев-Ресовский⁶, повествуя о своих школьных годах).

Свою педагогическую деятельность Райков начал в Лесном коммерческом училище, где учились дети преподавателей Политехнического и Лесного институтов. Это учебное заведение в силу своего положения (коммерческое училище подчинялось не министерству образования, а министерству финансов, а с 1905 г. – министерству торговли и промышленности) было достаточно либеральным и представляло поле для внедрения различных педагогических новаций. Кроме того, дорога в «казенные» учебные заведения для Райкова была закрыта как для «неблагонадежного». В училище Борис Евгеньевич уделял серьезное внимание лабораторным исследованиям и различным экскурсиям на природу, создавая вместе со своими коллегами новую, отличную от принятой в гимназиях, методику преподавания естествознания. Эта работа стала для ученого основным полем деятельности на долгие годы, большое число его статей и книг посвящено различным аспектам этого направления: зоологическим, геологическим экскурсиям, методике ведения практических занятий. В воспоминаниях он передает непосредственный ход урока, поведение учащихся, дает характеристики преподавателям, многие из которых в 1920-е г. стали признанными учеными. Описывая работу в училище, Борис Евгеньевич имел возможность использовать подлинные журналы заседаний педагогического комитета училища и материалы к протоколам (термин Райкова. – А. С.) за 1908–1922 гг.⁷; тетради учениц, копии расписаний занятий (1907–1908)⁸. К Борису Евгеньевичу на уроки приезжали другие педагоги, а также слушатели Педагогических курсов при Петербургском учебном округе. В Лесном коммерческом училище он преподавал вплоть до 1915 г., позднее все его время стала занимать работа в высшей школе.

Рассказывая о своей работе в средней школе, Райков также дает довольно занятные наблюдения за издательским делом в России (и до, и после революции). Так, он подробно останавливается на издании своего единственного учебника для средней школы «Человек и животные»⁹, являвшегося частью курса природоведения для средних учебных заведений и высших начальных училищ и вышедшего в крупном киевском издательстве «Сотрудник».

19 октября 1913 г. Райков был избран преподавателем Психоневрологического института, во главе которого в то время стоял В. М. Бехтерев. Этот институт, где Райков читал лекции по методике естествознания, стал основной базой для его работы до 1921 г. Кроме того, в 1915 г. он стал секретарем естественного факультета, а в конце 1916 г. был избран проректором института и возглавил канцелярию по студенческим делам.

⁶ Тимофеев-Ресовский Н. В. Воспоминания. М., 1995. С. 46–52.

⁷ СПбФ АРАН. Ф. 893. Оп. 2. Д. 66.

⁸ Там же. Д. 67.

⁹ Райков Б. Е. Человек и животные. СПб.; Киев, 1913.

Вновь можно сказать, что Райков попал в нестандартное для своего времени учреждение (ведь школы, где он учился и где преподавал, тоже не были характерными для того исторического периода). Одним из поступков, за которые его особенно уважали студенты, была легализация политических кружков, которые при проверках он называл «краеведческими обществами». После революции Психоневрологический институт продолжил свою работу (Райков даже сохранил свою должность проректора) и стал называться Вторым государственным университетом. В 1918 г., в непростое послереволюционное время, Райкову было присвоено звание профессора. В институте он организовал первый в России кабинет методики естествознания в высшей школе.

Весь пятый том воспоминаний посвящен школьному естествознанию в первое послереволюционное десятилетие: деятельности биостанций; естественных факультетов институтов, в частности, Педагогического института им. А. И. Герцена, в котором в 1923 г. Райков был утвержден профессором; педагогическим дискуссиям, связанным с введением в средней школе так называемых «комплексных программ». Придавая большое значение своей педагогической деятельности, в 1963 г. Райков составил отдельный том «Из педагогических воспоминаний», описав период с 1891 по 1929 г.¹⁰ Для написания он использовал свои автобиографические очерки «На жизненном пути».

В 1918 г. Райков был избран председателем реорганизованного Общества распространения естественно-исторического образования (ОРЕО). Это общество было одной из важнейших сфер деятельности Райкова вплоть до начала 1930-х гг., когда его расформировали. Почти с самого основания ОРЕО (1907) Райков был его секретарем, а с 1918-го – председателем. В 1921 г. усилиями общества был организован съезд учителей естествознания северо-запада, тогда Северной области, на котором присутствовали 945 участников. Затем ОРЕО организовало и Первый всероссийский съезд преподавателей естествознания в 1923 г., имея к тому времени около 20 отделений в Москве и провинции. Хотя работа этого съезда и была освещена в отдельной книге¹¹, в воспоминаниях Райков дал более живой, неофициальный обзор этого события, в том числе уделив внимание и последствиям произнесенных здесь речей.

Он стремился сохранить документы, связанные с деятельностью ОРЕО, объединявшего огромное количество ученых и педагогов (только Ленинградское отделение – около 600 человек), среди которых были Ю. А. Филипченко, В. А. Вагнер и многие другие. О тех, с кем Райкову приходилось работать больше, он написал небольшие биографические очерки. Тем не менее о многих встречах Райков умалчивает, хотя о том, что они были, можно узнать из отчетов о заседаниях общества, публиковавшихся в журнале «Естествознание в школе». Несмотря на то, что часть протоколов и других документов погибла, Борису Евгеньевичу удалось сохранить не только официальные документы, но и частично внутреннюю переписку членов ОРЕО¹².

¹⁰ СПбФ АРАН. Ф. 893. Оп. 2. Д. 28.

¹¹ Естественно-историческое образование в СССР по данным I Всероссийского съезда педагогов-естественников 10–16 авг. 1923 г. Пг., 1923.

¹² СПбФ АРАН. Ф. 893. Оп. 2. Д. 117, 118, 119.

Кроме работы в этом обществе Райков принимал деятельное участие в организации и работе школьных экскурсионных биостанций в окрестностях Петрограда. Сеть подобных станций начала складываться еще в 1919 г. по замыслу В. Ф. Мольденгауэра и И. И. Полянского. В непростые послереволюционные годы станции стали прибежищем для многих ученых, обеспечивая им паек и возможность работы. В 1920 г. Райков организовал в Павловске Инструкторскую экскурсионную станцию, предназначенную для подготовки учителей к экскурсионной и лабораторной работе с учениками. Вскоре она была переведена в Детское Село, а в 1924 г. получила здание для городской базы в переулке Гривцова, д. 1 и превратилась в постоянно действующее учреждение, не прекращающее работы и зимой. Работа биостанции освещалась в специально созданном для этого журнале «Живая природа», который в основном реагировал на ее текущие проблемы. О станциях также были опубликованы несколько статей в «Естествознании в школе» (и, вероятно всего, Райков ими пользовался при работе над соответствующими главами очерков). И все же в воспоминаниях он делает более широкий обзор деятельности станции, анализируя ее влияние на развитие школьного естествознания, показывая ее судьбу после 1929 г., когда Борис Евгеньевич ушел с заведования, а также дает подробное описание и излагает историю уникального музея местной живой природы, разместившегося в здании станции. Не забыл он и оставшиеся за пределами официальных документов и статей подробности проведения занятий, формирования музея, жизни сотрудников.

Как уже было упомянуто выше, в 1923 г. Райков был утвержден на должность штатного профессора и заведующего кафедрой методики естествознания в Педагогическом институте им. А. И. Герцена, ставшего на долгие годы для него основным местом работы. Оборудование созданного еще в Психоневрологическом институте кабинета методики естествознания Райков с помощью студентов перевез на санках – от Невской заставы на Выборгскую сторону, а позднее перевел его в новое здание на набережной Мойки.

Благодаря своей активной работе, многочисленным публикациям он был известен и оказывал большое влияние на педагогическую мысль в масштабах страны. Процессы, будоражившие школьную среду в 1920-е гг., оказались не только методическими, внутренними, но приобрели и политическую окраску, резко изменили судьбы многих людей. Райков, бывший в центре этих событий и пострадавший в результате, дает в воспоминаниях детальную, точную, хотя порой и чересчур лично окрашенную картину.

В конце 1920-х гг. в школах начали вводиться новые, так называемые «комплексные» программы, менявшиеся практически ежегодно. Преподавание отдельных предметов было практически уничтожено. Райков активно выступал против подобной системы, привлекая на свою сторону большинство ленинградских педагогов. Первые «звонки» этой дискуссии раздались еще на съезде педагогов-естественников в 1923 г., затем последовал период борьбы программ, активных выступлений в печати сторонников обеих методик. Очень ярко прослеживалась «антикомплексная линия» на страницах редактировавшихся Райковым журналов «Живая природа» и «Естествознание в школе». Однако печатными дискуссиями дело не ограничилось: с повсеместным введением «комплекса» началась настоящая травля ленинградских педагогов.

На Всероссийской конференции преподавателей, состоявшейся 22–27 января 1929 г. в Москве, возглавляемая Райковым ленинградская группа методистов естествознания, выступавшая резко против программ Государственного ученого совета (ГУС), была обвинена в том, что переносит опыт буржуазной школы в новую, советскую, и недооценивает связь теории с практикой; по сути обвинения были уже идеологическими и политическими.

Вскоре после этой конференции Райков был вынужден отказаться от поста заведующего биостанцией и снять с себя обязанности председателя ОРЕО. Были закрыты издаваемые им журналы «Естествознание в школе» и «Живая природа». Он был обвинен в намеренном срыве педагогических мероприятий Наркомпроса, отстранен от преподавания, а в ночь на 1 июня 1929 г. арестован. Кроме самого Райкова та же участь постигла ряд его ближайших сотрудников по журналам, биостанции, ОРЕО и институту. Открытая и легальная деятельность ОРЕО была представлена как политический заговор против советской власти. В результате общество было ликвидировано, а все его отделы в провинции закрыты.

Следствие по делу Райкова продолжалось 9 месяцев, которые Борис Евгеньевич провел в одиночном заключении. В феврале 1931 г. он был приговорен к 10 годам заключения в концлагере, 16 марта 1931 г. прибыл этапом в Кемь, а через полгода был переведен на станцию Медвежья Гора на строительство Беломорско-Балтийского канала.

В двух томах (шестом и седьмом) Райков описал арест и годы заключения, подчас с пугающе точными деталями, сравнивая и анализируя порядки времен царских и советских. В ссылке Борис Евгеньевич не потерял присутствия духа. Как ни странно это звучит, но в ссылке судьба оказалась на его стороне, и то, что он оказался в Медвежьей Горе, сам Райков рассматривал как удачу, спасшую ему жизнь. Он сумел найти применение своим знаниям, работая в санитарно-биологической лаборатории и руководя курсами для фельдшеров, сначала в 1-м Кемском отделении Соловецких лагерей (СЛАГ), а затем уже на станции Медвежья Гора (позднее город Медвежьегорск), куда были переведены и курсы, и лаборатория. Поначалу Райкову не хватало знаний для подобной работы. Ему пришлось в сжатые сроки изучить медицинскую микробиологию и биологическую химию, овладеть техникой клинических и пищевых анализов. Через несколько лет лаборатория разрослась и стала называться Центральной санитарно-бактериологической лабораторией Беломорско-Балтийского комбината НКВД. Здесь проводились анализы питьевой воды, мяса, хлеба, масла. Также лаборатория участвовала в судебно-медицинских экспертизах по делам об убийствах и отравлениях.

Очень ровным, практически неэмоциональным слогом (разительно отличающимся от того, каким он описывал педагогические дискуссии) Райков рассказывает о своей жизни в лагере и об устройстве лагерей и жизни ссыльных вообще. То, о чем рассказывает ученый, сложно назвать характерным бытом заключенного. Но сама цепь удачных и не слишком стечений обстоятельств, портреты тех людей, кто окружал Райкова – редкое свидетельство жизни за чертой обычного бытия. Райков отмечает:

Лично я, находясь в лагерях в течение трех лет (1931–1934), никаких зверств там не видал. Правда, врачи были в лагерях на привилегированном положении, но скажу откровенно, что после ДПЗ, режим, которого едва не довел меня до самоубийства, Медвежка и даже Кемь показались мне местом отдыха¹³.

Благодаря своей работе Райков получил некоторые льготы, и в первую очередь, разрешение выписать к себе в лагерь жену Антонину Николаевну. Через год у Райковых родился сын Игорь.

Написал Борис Евгеньевич и о дальнейшей судьбе основанных им учреждений и предприятий, его товарищей, «группы райковцев», как они проходили по сфабрикованному делу. Не прошел мимо событий «на фронте учебного естествознания», происходивших после ареста Райкова и его соратников.

4 мая 1934 г. Райков был досрочно освобожден по окончании стройки канала. Как писал ученый, ему повезло, что его арестовали до 1934 г., и после убийства Кирова он был уже далеко от обычной жизни. После освобождения Райков остался в Медвежьегорске, так как вернуться в Ленинград не мог, а искать себе где-то новое пристанище было непросто. Он поступил на службу на Мурманскую железную дорогу, организовав здесь передвижную санитарную бактериологическую лабораторию, где работал до сентября 1937 г. Кроме того, он заведовал организованной им лабораторией туберкулезного санатория ЦК Союза железнодорожников и малярным пунктом в Медвежьегорске, был председателем врачебной городской малярной комиссии и руководил мероприятиями по нефтеванию зараженных малярными личинками водоемов, заведовал фельдшерскими курсами для долгосрочных заключенных. Он писал в воспоминаниях:

В итоге это было, скорее, счастливое время моей жизни, которое представляется мне как история моего постепенного восстановления – в материальном, гражданском и научном отношениях¹⁴.

При всей сложности жизни в тот период, Райков не оставил исследовательской работы, однако в основном занимался медицинскими вопросами. Также он начал серьезную работу по криминологии «Татуировка в уголовном мире, ее тематика и техника»¹⁵. Работа осталась незаконченной, так как Райков был досрочно освобожден и уже не имел доступа к татуированным заключенным. Кроме того, Райков продолжал и работу над историко-научными темами, которые ранее были для него, скорее, второстепенными по сравнению с педагогической работой. Именно в Медвежьегорске он начал работу над своим важнейшим трудом «Русские биологи-эволюционисты до Дарвина»¹⁶ и даже в 1936–1941 гг. закончил первый том. К сожалению, всю историю создания этого труда, до настоящего времени являющегося актуальным и исполь-

¹³ Райков Б. Е. На жизненном пути. Т. 7 (из личного собрания семьи Райковых).

¹⁴ Там же. Т. 8.

¹⁵ Жизнь и труды Бориса Евгеньевича Райкова. Т. 7. С. 58 (из личного собрания семьи Райковых).

¹⁶ Райков Б. Е. Русские биологи-эволюционисты до Дарвина. М.; Л., 1952–1959. Т. 1–4.

зуемым историками естествознания, Райков рассказать на страницах своих воспоминаний не успел, но описание его работы в Медвежьей Горе является уникальным свидетельством преданности научной работе. После освобождения ему удалось получить разрешение на недолгие поездки в Ленинград, где он благодаря помощи В. Л. Комарова и С. И. Вавилова получил возможность работать в архивах и библиотеках. Кроме того, в воспоминаниях Райков рассказал об уникальной истории выхода из печати своей книги «Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России»¹⁷. Благодаря вмешательству С. И. Вавилова, выступившего в качестве редактора книги, она вышла в 1937 г., когда Райков еще находился в Медвежьегорске, и многие считали его погибшим в лагерях.

Во время советско-финской войны Райков работал в эвакуационном госпитале, возглавляя бактериологическую лабораторию. Кроме основной лабораторной работы он проводил специализированное изучение раневых инфекций и их динамики под влиянием различных методов лечения.

После начала Великой Отечественной войны Райков продолжил работу в эвакуационном госпитале. В октябре 1941 г. он с семьей был эвакуирован в Архангельск. Жизнь здесь составила восьмой (в комплекте семьи Райковых – 8 и 9) том автобиографических очерков. Ректор местного педагогического института пригласил ученого, о котором много слышал, читать лекции. Из-за нехватки преподавателей в военное время Райкову пришлось читать самые разные дисциплины, в том числе геологию и психологию. В 1943 г. он сумел организовать в Архангельском пединституте два новых факультета (географический и естественно-географический), деканом которых был до 1945 г. Жизнь Архангельска в военное время, бытовые зарисовки, портреты «провинциальных профессоров», которых Райков ставил невысоко, трудности очередной переквалификации – все это отражено в очерках. О самой войне он почти не пишет, только о том, что происходило непосредственно в Архангельске и касалось его лично.

В 1945 г. Райков смог вернуться в Ленинград, где многие считали его погибшим в лагерях. Хотя ему предлагали перебраться в Москву и заведовать сектором биологии в Институте методов, он предпочел вернуться в качестве профессора в Педагогический институт им. А. И. Герцена, где вновь начал читать свой курс методики естествознания. Кроме того, когда в Ленинграде был открыт филиал Академии педагогических наук, Райков возглавил в нем методический сектор по естествознанию; этой работе он уделял огромное внимание, в том числе это ярко отражено в воспоминаниях. Хотя Райков и не сравнивает прямо работу педагогов, методистов-естественников в 1920-е гг. и после Великой Отечественной войны, некоторое противопоставление прослеживается, особенно автор подчеркивает разобщенность «нового поколения». Принимал участие Райков и в составлении программ для средней школы в 1947 г., но итог этой работы его не удовлетворил, хотя ей и посвящен отдельный очерк. Также параллельно с основной работой в институте им. А. И. Герцена, Райков с 1945 г. работал по совместительству в Институте

¹⁷ Райков Б. Е. Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России. М.; Л., 1937.

истории естествознания, однако об этом он предполагал рассказать в последнем томе воспоминаний.

Вскоре было возобновлено издание журнала «Естествознание в школе», закрытого в 1930 г. В 1947 г. было торжественно отмечено сорокалетие педагогической деятельности Бориса Евгеньевича. К концу сороковых годов он практически вернул то влияние, которое имел в науке до 1930 г., о чем с воодушевлением писал в воспоминаниях.

В 1947 г. Райков наконец смог опубликовать курс общей методики естествознания¹⁸. Подготовительная работа велась им уже давно, о чем он писал в томах, посвященных ссылке и эвакуации. «Общая методика естествознания» была утверждена Министерством образования в качестве учебника для педагогических вузов. Книга разошлась чрезвычайно быстро, так подробного учебника не было со времен методики В. В. Половцова¹⁹.

Однако вскоре судьба вновь отвернулась от ученого. После окончания печально известной сессии ВАСХНИЛ в 1948 г., Райков был уволен со всех занимаемых им должностей по Педагогическому институту им. А. И. Герцена и по Ленинградскому филиалу Академии педагогических наук. В своих воспоминаниях он неожиданно отстраненно пишет о событиях, связанных с сессией, подчеркивая, что не имел никакого отношения к генетике. Создается ощущение, что ученый не осознавал значимости происходящего. Анализируя события, он приходил к выводу, что здесь были замешаны его старые враги, участвовавшие в травле Ленинградской группы педагогов-естественников еще в 1930 г. Как он писал:

Тем не менее, при составлении в центре списков лиц, подлежащих изъятию в связи с этой кампанией, его фамилия оказалась каким-то образом в этих списках. Виновников этого подлога нетрудно угадать²⁰.

Возможно, Райков сознательно вынес события сессии ВАСХНИЛ за страницы мемуаров, будучи уже достаточно осторожным в суждениях, чтобы анализировать происходящее в более широком плане.

После этих событий Райков сохранил только должность в Институте истории естествознания Академии наук и перешел в разряд его штатных сотрудников. Борису Евгеньевичу пришлось полностью оставить педагогическую работу и сосредоточиться на научно-исследовательской деятельности. Райков все свое время посвящал истории естествознания, работая целыми днями, хотя был уже в преклонном возрасте. Сам он объяснял это тем, что старался наверстать потерянные для научной работы 15 лет, проведенные в лагере в Медвежьегорске и в Архангельске. В работе ему очень помогала жена, ставшая его бессменным секретарем. Первые его статьи, посвященные данной тематике, касались истории учебного естествознания в России начиная с древнейших времен, например, «Натуралистическое просвещение в Древней

¹⁸ Райков Б. Е. Общая методика естествознания. М.; Л., 1947.

¹⁹ Половцов В. В. Основы общей методики естествознания / Под ред. и с доп. Б. Е. Райкова. Пг., 1922.

²⁰ Жизнь и труды Бориса Евгеньевича Райкова. Т. 10. С. 79 (из личного собрания семьи Райковых).

Руси»²¹. В целом, статьи по данной теме составляют цикл, отражающий развитие естествознания в России с VIII по начало XX в.

Борис Евгеньевич Райков умер в 1966 г., не успев реализовать многие свои планы. Остался ненаписанным последний том воспоминаний, который он предполагал посвятить последним 15 годам своей жизни. Деятельность Райкова в ИИЕТ отражена в его трудах, сохранившихся рукописях, письмах. За годы работы здесь он опубликовал всего 86 книг и статей, среди которых 14 его собственных монографий, а 15 вышли под его редакцией²². Он успел воспитать многих будущих известных историков естествознания, передать им навыки работы с первоисточниками, поиска новых фактов.

²¹ Райков Б. Е. *Натуралистическое просвещение в Древней Руси* // Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. 1947. Т. 57. С. 5–24.

²² Колчинский Э. И. *История науки в городе на Неве* // Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН. 1953–2003. / Отв. ред. В. М. Орел, Э. А. Тропп. СПб., 2003. С. 48.